

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

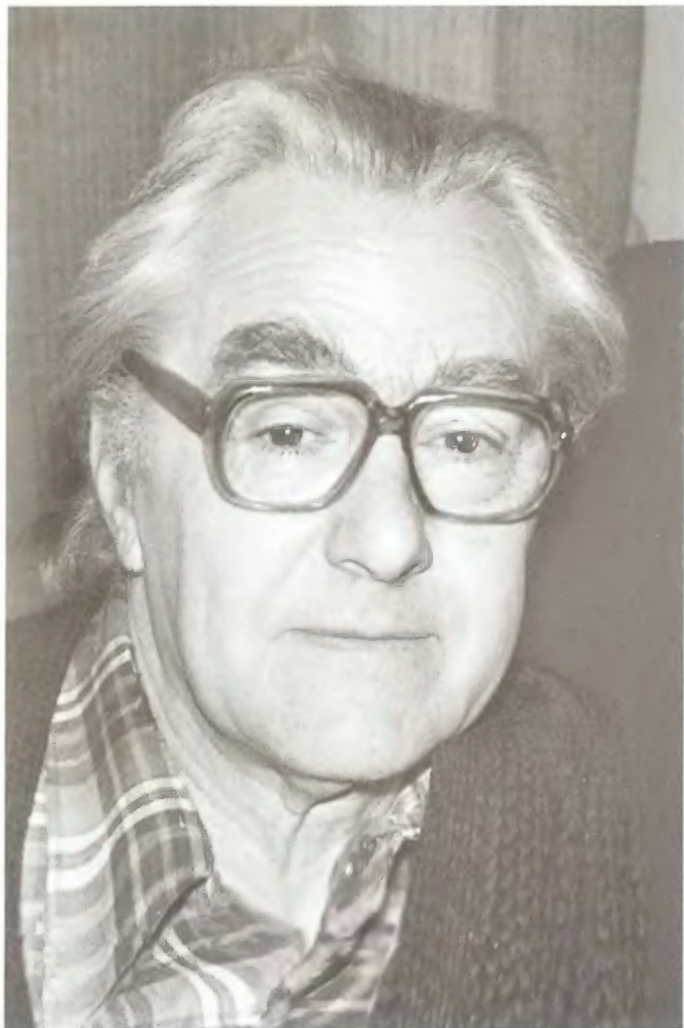
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Феодализм
перед судом историков*

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ 201

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ 221

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА 261

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ 279

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА)..... 285

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ 319

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ 351

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко) 363

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич) 390

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSCHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (translated by *G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko*) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (translation and notes by *Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Актуальность темы насилия в российской армии и самой армии как института насилия в российском обществе в специальном обосновании не нуждалась бы. Но на тот момент, когда статья уходила в издательство, эта тема вышла на уровень актуальности, до того не достигавшийся. В силу стечения различных обстоятельств один, а затем множественные случаи внутриармейского насилия стали предметом обсуждения в прессе и далее в Государственной Думе и в Совете Безопасности.

Приняты решения о том, что подобным явлениям будут противопоставляться различные меры: ужесточение полагающихся наказаний и расширение круга ответственных лиц с включением туда офицеров, также вопросы о реформировании дисциплинарных батальонов, восстановлении гауптвахт и т.д. Обсуждаются меры введения новых для российской армии институтов: военной полиции, сержантов-контрактников, капелланов.

Принятие этих мер как-то скажется на положении в воинских частях. Но как представляется, эти меры обращены к недопущению эксцессов дедовщины, но не самого явления. Характерным образом министр обороны начал с утверждения о его неустранимости, заявив, что оно присуще нашему обществу в целом и начинается “с детского сада”.

Эта дискуссия происходит на фоне обструкции, которую общество устраивает армии как тотальному институту. Вот данные опроса¹:

Если бы кто-то из членов вашей семьи подлежал призыву в армию, вы бы...	Среди всех опрошенных
предпочли бы, чтобы он прошел службу в армии	34%
стали бы искать способ избежать службы в армии	53%

Речь идет о том, что на сегодня легальными и нелегальными способами *большинство* молодых людей избегают выполнения закона о *всеобщей* воинской обязанности. По данным только что упомянувшегося опроса среди лиц 18–24 лет предпочли бы, чтобы тот родственник, кто подлежит призыву, “прошел службу в армии” – 26%, а “искать способ избежать службы в армии” стал бы 61%.

В ответ устами высших должностных лиц в государстве объявлено о планах восстановить тотальный охват мужского населения

воинской службой (при сокращении ее протяженности до одного года).

Конфликт между обществом гражданских лиц и призывной армией входит в острую фазу: министр обороны заявил о “беспрецедентной антиармейской кампании”. Проблема внутриказарменного террора при этом оказывается центральной. По опросам за период с 2000 г. по 2006 г., дедовщина определенно вышла на первое место среди причин, по которым общество не желает предоставлять своих членов для службы в армии.

В 2000 г. на вопрос: “Хотели бы вы, чтобы ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии? Если нет, то почему?” – давали ответ “не хотели бы из-за возможности гибели/ранения в конфликтах типа чеченского” – 48%, ответ «не хотели бы из-за “дедовщины”, неуставных отношений, насилия в армии» – 34%. Это были две главные (по частоте ответов) причины. К 2006 г. они таковыми остались, но поменялись местами. Нежелание служить объясняли риском гибели/ранения в ходе военной операции 32%, а дедовщиной – 49%².

За эти годы, как показывает сравнение ответов, перемены произошли в позициях всех главных социально-демографических групп. Нежелание отдавать своих близких в армию всегда было острее выражено среди женщин, нежели среди мужчин, среди молодых людей, нежели среди пожилых, среди наиболее образованной публики, нежели среди менее образованных, среди жителей столицы, нежели среди жителей села. Но во всех этих категориях населения боязнь дедовщины выросла и вышла на первое место. При этом в представлениях групп, которые в целом менее подвержены указанным опасениям (мужчины, люди старшего возраста и т.д.), дедовщина в 2006 г. стала более важным фактором, чем был для них же риск гибели или ранения в боевых действиях в 2000 г.

Антропологическая проблематика насилия очевидным образом сопрягается здесь с социальной. Во всех обществах армия выполняет много ролей кроме номинальной – применять вооруженное насилие к военному противнику. Во многих странах армия выступила, в частности, агентом модернизации всего общества. Ее роль в российском обществе представляется также во многом связанной с процессом модернизации, но роль эта была разной на прошлом и на нынешнем этапах данного процесса. Разное значение приобретала и система неформального принуждения внутри армии как института.

Переход (перевод) сельского и аграрного российского общества в поселково-городское и индустриальное был совершен преимущественно в военизированных формах организации. Собственно вооруженные силы (включая органы милиции и безопасности) играли при этом помимо очевидной функции силового инструмента и сред-

ства еще несколько важных ролей. Во-первых, обороне, а значит – армии, была придана функция главной цели общественных усилий. Все лишения оправдывались этим. Во-вторых, армии отводилась роль модели и идеального образца социального устройства. Наконец, в-третьих, армия сама была превращена в институт воспитания и перевоспитания населения. В ее рамках проходила ускоренная ресоциализация мужского сельского патриархального населения в относительно более пластичную и мобильную рабочую силу для создаваемой промышленности. Типичная мужская советская судьба: из деревни призвался в армию, после армии не вернулся, в городе поступил на завод.

В армии обучали грамоте, обращению с относительно сложными механическими устройствами и семиотическими системами, учили следовать формальным правилам и техническим инструкциям.

Наряду с этим армия была трудовым лагерем, местом производства массовых работ, организованного и массового применения подневольного ручного труда. Сочетание начатков механизации и массовых элементарных физических действий/усилий отвечало той форме индустриализации, которая в этот период проходила в целом в стране.

Индустриализм, индустриальный госсоциализм, сложившийся в нашей стране, был порожден при посредстве и участии армии, а армия получила свою форму и характер благодаря этому строю. Их подобие является сущностным и очень глубоким. Отметим один момент сходства. Российско-советский индустриализм был создан путем ускоренной трансформации сельского субстрата. Остатки оно встречались повсеместно, в частности в недоурбанизированных поселково-слободских формах расселения. Точно так же армия имела на протяжении длительного времени демографическую базу в лице сельского и поселкового населения с его культурой.

Эта культура имела свои ценности, связывавшие ее с глубоко архаическими временами. Субъектом действий является коллективный родовой субъект. Ради его сохранения или его победы действует индивид. Ценностью является существование коллективного субъекта. Жизнь индивида имеет подчиненную ценность в глазах остальных и в его собственных.

Следует особо отметить, что эта идеология сформировалась в условиях традиционного режима воспроизводства населения, когда на одну родительскую пару приходилось в три–пять раз большее число детей. Люди, точнее рекруты, призывники, живая сила, представляли собой возобновляемый ресурс для командования: “Бабы новых нарожают”. Ценность представляли собой обученные кадры, т.е. офицеры.

Сегодня изменился социальный контекст существования армии. Наиболее важных перемен две.

Во-первых, это так называемый демографический переход, наступление нового режима (суженного) воспроизводства населения. На пару взрослых теперь в целом приходится менее двух детей. Ценность единичной человеческой жизни начинает преобладать над ценностью родовой. Это осознали в первую очередь женщины в их роли “солдатских матерей”. Женщины более не согласны снабжать армию неограниченным человеческим ресурсом. Армия же осталась реликтом предыдущей демографической эпохи с ее нормами затратного отношения к “живой силе”. Но если ранее между ценностными системами сельского многодетного общества и армии не было принципиальных расхождений, а лишь степенные, то теперь поступающий в армию контингент “единственных сыновей” нуждается в переделке в центральном вопросе о ценности индивидуального существования. Дедовщина, в частности, построена на утверждении принципа, в соответствии с которым ни здоровье, ни сама жизнь первогодка – в отличие от того, как его воспитали дома, – не являются ценностью ни для окружающих, ни для него самого. Бессмысленные на первый взгляд пытки и убийства, а также самоубийства – это моменты и результаты подобной суггестии со стороны неформальной структуры армии. Истязание новобранцев голодом, холодом, перегрузками со стороны формальных командиров имеет тот же смысл, выступает в общем случае как знак и лишь в частном – как недосмотр, халатность, ошибка соответствующих должностных лиц.

Второе изменение в обществе – это переход от индустриального типа экономики к “сервисному”. Переход этот в значительной мере оказался скрыт от глаз общества совпавшим с ним по времени возвратом от командно-административной госсocialистической системы к одному из вариантов рыночной. Сам переход имел вид и форму то ли стихийного, то ли злонамеренного “развала экономики”, затяжного кризиса милитаризованной индустриальной экономической системы.

Та реальная хозяйственная деятельность, которая сейчас кормит страну, не связана с военно-промышленным комплексом. Сигналы рынка труда, улавливаемые обществом, ориентируют молодых людей на карьерные пути, связанные с бизнесом и сервисом в широком смысле этого слова. Экономика услуг, явившаяся к нам в 90-е годы прошлого века в обличье множественных вынужденных выборов (торговать, ремонтировать, прислуживать – “чтоб хоть как-то выжить”), укрепилась. Военная промышленность, которая “лежала” эти годы, поднимается сама в той мере, в которой перепрофилировалась в ответ на спрос потребительского рынка.

Поднимается она и под воздействием государственно-централизованных усилий по ремилитаризации. Военно-промышленный комплекс ищет свое место. Он одновременно грезит о возвращении се-

бе того центрального положения, которое имел в советской системе, и чаёт найти новое в рамках системы постсоветской, используя и ресурсы госзаказа, и возможности экспорта. Нельзя сказать, что этот комплекс остро заинтересован в сохранении большой призывной армии как таковой. Но он нуждается в режиме максимального благоприятствования со стороны государственного руководства, а для обеспечения этого нужен общий милитаристический настрой. Последний, возможно, мог бы быть реализован и на путях общей и военной модернизации. Но при данных обстоятельствах более простым и вероятным оказался путь консервации и ретро-ориентации, возрождения или имитации опробованных форм идеологического и управленческого характера. Роль нереформированной армии, функция ее как заповедника и хранителя наиболее “совковых” форм социальной организации возрастает. Психологический консерватизм начальства, боязнь перемен и даже связанные с такой армией экономические интересы коррумпированного начальства носят не главный, а подчиненный характер. Собственно, армия повышением своей ригидности реагирует на перемены в обществе как институт, как целое и как часть более крупного комплекса, пытающегося вернуть себе доминирующее положение в общественно-государственной системе. В этом смысле показательно обострение феноменов дедовщины, имеющей отношение и к коррупции, и к перераспределению неких экономических ресурсов, но в основном и в главном, конечно, являющейся грандиозной символической системой перевоспитания личности через переозначивание. И главный обобщенный посредник, который обращается в этой системе, это не материальное благо, а социальный ресурс: насилие/власть.

Как явствует из сказанного, проблема заключается в том, что нормы и порядки этого уже прожитого большим обществом раннеиндустриального строя армия через ее формальные и неформальные структуры не просто хранит в себе, но активно стремится распространять вовне. Дедовщина как неформальный институт внутри формального, собственно армии, многими воспринимается как болезнь, порок армейской системы. Считается, что укрепление дисциплины и тому подобные меры способны устранить дедовщину. По более современной версии, озвученной министром обороны, эти меры позволят держать дедовщину “в рамках”. Нам представляется, что это не так. Армия не просто существует в нашем обществе, и уж тем более – не как пережиток. При всей ее анахроничности армия как бывший осевой институт общества продолжает оказывать на него свое влияние. Дедовщина как механизм выполняет роль главного ресоциализирующего инструмента.

На этот раз ресоциализации подвергаются молодые люди, выращенные в обществе, которое усвоило (хотя бы в начатках) новые

индивидуалистические, гуманистические ценности; само общество строится на идеях ценности личности, уважения ее прав и свобод. Эти начала – *сила права*, – как известно, с особым тщанием уничтожаются на первом этапе переделки людей. На втором на их место имплантируется *право силы*.

Показательно, что наиболее острый антагонизм развернулся в обществе в форме конкуренции армии и высшей школы как двух вариантов института социализации. В обществе широко распространено мнение, что эти два жизненных пути альтернативны. Вуз “спасает” от армии, армия избавляет от бремени высшего образования. Попытки изменить это положение производятся непрерывно, но на сегодня исследования позволяют констатировать такую ситуацию.

Служба в армии больше не воспринимается в молодой части общества как непереносимое условие становления “настоящего мужчины”. Молодой человек, не прошедший горнило армии и дедовщины, – более не маргинальная фигура слабака-интеллигента, но “нормальный парень”. Психофизическим навыкам, даваемым армейской службой (“сила” и производные от нее), сопоставлены как равные или предпочитаемые навыки, предоставляемые институтом высшей школы.

Здесь не место обсуждать в деталях метаморфозу самой высшей школы, приспособляющейся к спросу в экономике услуг. Важно лишь сказать, что на ведущие места в том, что дает вуз выпускнику, выходят навыки и компетенции, связанные не со специальными знаниями, а скорее с социальными манерами и коммуникационными способностями. Во многом это именно тот комплекс норм отношения к собственной и чужой личности, который первым подлежит уничтожению в жерновах казарменного террора. Эти черты человека не нужны военно-силовому типу общественной организации и нужны сервисно-предпринимательскому типу. В описываемом на этих страницах конфликте решаются судьбы и перспективы не только отдельных молодых людей, но российского общества в целом.

¹ Опрос “Левада-центра”, проведенный по репрезентативной выборке среди взрослого населения РФ (1600 чел.) в 2006 г.

² Опросы ВЦИОМ и далее “Левада-центра” проводились по стандартной репрезентативной выборке среди взрослого населения РФ (1600 чел.).